

КРОВЬ
ВЕЛЕТОВ

Лана Марин

18+

Лана Марин

Кровь Велетов

<https://litres.ru/74100804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать три богатыря — это не красивая легенда из гуслирных песен. Это тридцать три живых якоря, пригвождённых к Кромке Обрядом крови, чтобы удерживать трещащую по швам Завесу между Явью и первобытным кошмаром Нави.

Десятилетнего Яромира увозят в Железный Детинец, где из детей выковывают безжалостных воинов ордена. В каменных казармах нет места милосердию — здесь за секунду слабости платят жизнью.

А в жилах Яромира дремлет дикая, разрушительная сила древних великанов-велетов. Сила, что однажды либо сделает его богатырём, либо разорвёт изнутри.

Тёмные времена на пороге, и Яромир пройдёт сквозь них до конца — не ради богов, не ради славы и не ради чужого долга.

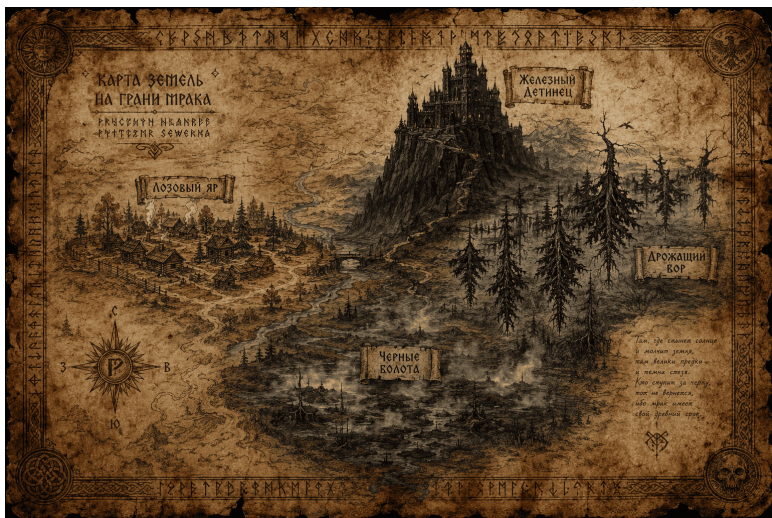
Если боги не помогут — он справится сам.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лана Марин Кровь Велетов

Пролог

ЗАВЕТ ГРОМОВЕРЖЦА

Часть I. Дыхание Нави

Воздух на вершине Кудеяровой горы был тяжелым, соле-

ным от пота и горьким от дыма жертвенных костров. Пахло паленой шерстью, растопленным бараньим жиром и скорым, еще не пролившимся дождем, который висел над миром душным свинцовым покрывалом. Здесь, на высоте, где вековые сосны цеплялись корнями за голые камни, время словно текло медленнее, застревая в расщелинах, как болотный туман.

Велимира стояла у самого края обрыва, вцепившись скрюченными пальцами в костяное навершие своего тисового посоха. Старость давно поселилась в ее суставах, отзываясь тупой ноющей болью на каждую перемену погоды, но сегодня кости ныли иначе — глухо, глубоко, словно сама земля под ее ногами дрожала от подступающего страха. Единственный зрячий глаз жрицы, подернутый седой пленкой катаракты, был устремлен на восток, туда, где небо уже окрасилось в гнилостный, чернильно-фиолетовый цвет. Там, за кромкой вековых дубрав, рождалась буря. Но буря эта шла не из Прави. Она поднималась из бездонных болот Нави — из тех мест, куда живым ходу не было, откуда тянуло гнилым багульником, мертвой водой и сырым сыто-сладким запахом разложения.

— Кромка трещит, — прошептала Велимира, и ее беззубый рот выдохнул струю сизого пара. — Духи Чернолесья больше не поют. Они воют, как побитые псы, забившись в самые глубокие норы.

Позади нее безмолвно стояли младшие волхвы. Они бы-

ли молоды, их длинные русые волосы, еще не тронутые сединой, развевались на пронизывающем ветру, но на их лицах не было юношеского задора — лишь серый, как пепел, испуг. Их пальцы, привыкшие перебирать жертвенные зерна и вырезать руны на бересте, судорожно сжимали края шерстяных плащей. Они знали, зачем поднялись сюда в эту ночь. Они пришли свидетельствовать конец старого согласия.

Небо разорвало. Но молния, ударившая в древний каменный идол, не принесла света. Она была черной, тяжелой, как жидкое железо, и на мгновение ослепила Велимиру, выжегши в ее слабеющей памяти остатки земных образов. Скалы содрогнулись с таким грохотом, будто великаны начали ломать хребты земли. Идол из мореного дуба, простоявший здесь три сотни лет, с сухим трубным треском раскололся надвое, и из его дымящегося нутра на серый сланец горы ступила нога.

Он не спустился с облаков. Он буквально соткался из грозового воздуха, запаха озона и каленой стали.

Перун был огромен — на полторы головы выше любого из велетов, когда-то ходивших по этой земле. Его доспехи, скованные Сварогом из небесного рудного железа, тускло мерцали в полумраке, издавая низкий, рокочущий гул, от которого у смертных закладывало уши и зубы начинали крошиться от вибрации. На его плечи была наброшена тяжелая шкура исполинского волка, пахнувшая звериной яростью, порохом и сырой тайгой. Глаза громовержца горели

ровным, расплавленным блеском красной меди, а из-под тяжелого бронзового шлема струились густые, жесткие волосы цвета грозовой тучи. Капли дождя испарялись, едва коснувшись его металлических наплечников, поднимаясь тонкими струйками пара.

Младшие волхвы пали ниц, уткнувшись лицами в мокрый, пахнувший плесенью ягель. Только Велимира осталась стоять, хотя колени ее дрожали так сильно, что кости терлись друг о друга со страшным сухим хрустом.

— Владыка... — хрипло выдохнула она, склоняя голову и чувствуя, как жар, исходящий от божества, обжигает ее сухое лицо.

Бог сделал шаг вперед. Каменные плиты под его коваными сапогами застонали и покрылись мелкой сеткой трещин. Когда он заговорил, его голос не был похож на человеческий — это был рокот тектонических плит, скрежет камней, перемалываемых ледником во тьме веков.

— Кромка истончается, Велимира, — произнес Перун, и от звука его голоса с ближних сосен посыпалась сухая хвоя. — Люди забывают наши имена. Они строят свои города за высокими частоколами, меряют землю шагами, взвешивают зерно на весах и верят в сухой закон княжеских свитков, а не в ярость бури. Их страх угасает. Они больше не трепещут перед шепотом леса. А без их страха, без их слепой, первобытной веры замок на воротах Нави ржавеет. Она прорывается.

Громовержец протянул вперед огромную руку в кованой перчатке. На его ладони, покрытой старыми шрамами от небесного огня, лежали тридцать три оберега. Это были тяжелые, литые гривны из чистого холодного серебра, на каждой из которых был высечен **Громовой знак** — колесо с шестью спицами, символ вечного круговорота жизни и ярости Прави. Обереги тускло светились изнутри слабым, серым светом, словно угли под золой.

— Возьми их, жрица, — приказал бог. — Найди среди людей тех, в ком еще сильна кровь великанов-велетов. Тех, чьи сердца не ведают сомнений, а руки способны держать сталь. Окропи эти знаки их кровью. Пусть они станут богатырями.

Велимира дрожащими руками приняла тяжелые обереги. Серебро обожгло ее ладони ледяным, запредельным холодом, но она не выпустила их, прижав к груди, как самое дорогое сокровище.

— Их должно быть тридцать три, — продолжал Перун, и его медные глаза устремились в самую глубь ее увядающей души. — Это не просто воины. Это замки на воротах Нави. Пока все тридцать три знака бьются в унисон, омываемые живой кровью, Кромка устоит. Если погибнет один — Кромка даст трещину. Если падут двое — Сверх отравит ваши реки и нивы. Если рухнет круг... Навь поглотит Явь, и боги Прави закроют свои чертоги навсегда.

— А если... если мы не найдем замену погибшему в срок? — спросила Велимира, чувствуя, как ледяной пот катится по

ее морщинистой шее.

Перун медленно поднял взгляд к небу. Там, среди клубящихся туч, проступали очертания чего-то огромного, безглазого и многоногого, что скреблось с той стороны Кромки, пытаясь нащупать слабую брешь.

— Тогда наступят Темные времена, жрица. И некому будет защитить ваших детей. Люди боятся богатырей, завидуют их силе и близости к нам. Но когда богатырей не станет, люди поймут, что они были единственным щитом между их теплыми избами и бездной. Окропи серебро кровью. Скрепляй уговор.

Бог поднял руку, и ослепительная вспышка чистой молнии ударила прямо в вершину горы. Когда грохот затих, а дым рассеялся, Перуна уже не было. На каменной плите, где он стоял, остался лишь глубокий выжженный след в форме громового колеса, заполненный расплавленным металлом.

Велимира медленно опустилась на колени перед расколотым идолом. Она прижала тридцать три серебряных оберега к своей груди, чувствуя, как их холод проникает под старое сукно ее ризы.

— Слышали завет? — тихо спросила она, не оборачиваясь к молодым волхвам, которые только сейчас осмелились поднять головы от земли.

— Слышали, матушка, — прошептал один из них, заикаясь от холода и пережитого ужаса.

— Ищите мальчишек с велетовой кровью по всем весям

и племенам, — приказала жрица, поднимая свой единственный зрячий глаз к небу, где сквозь черные тучи пробивалась кроваво-красная полоса рассвета. — Время пошло. И да помогут нам боги.

Часть II. Первая кровь

Спуск с Кудеяровой горы занял трое суток. Велимира шла сквозь Чернолесье, ведомая лишь внутренним зовом серебра, которое грелось у ее груди каждый раз, когда она приближалась к нужному человеку. Младшие волхвы несли за ней священные меха с жертвенным медом и костяные чаши для крови.

Они вышли к Древней долине, где жило племя Лесного Волка — потомки первых людей, что когда-то брали в жены дочерей велетов. Здесь еще помнили законы Прави, а идолы по берегам быстрой реки лоснились от жира жертвенных кабанов.

Велимира остановилась у края бревенчатого городища. Воздух здесь был напоен запахом сосновой смолы, дыма очагов и каленого железа — местный кузнец Ратибор как раз ковал тяжелые лемеха для плугов. Но жрицу вел не он. Серебро в ее мешке задрожало, отзываясь на тяжелую, мерную поступь молодого исполина, который тащил из леса огромный сосновый ствол.

Его звали Вышата. Ему едва исполнилось девятнадцать зим, но ростом он уже обогнал самого высокого мужа в племени на целую голову. Его грудь была широкой, как кузнеч-

ный мех, а длинные светлые волосы были перехвачены кожаным шнурком, чтобы не лезли в глаза. В его жилах текла первородная кровь великанов, не разбавленная слабостью южных городов.

— Стой, парень, — тихо произнесла Велимира, но ее голос, усиленный силой Прави, заставил Вышату замереть на месте. Он легко, словно сухую ветку, сбросил сосновое бревно на землю. Пыль взметнулась над его кожаными постоллами.

— Кто ты, бабка? — спросил юноша, оглядывая сухонькую старуху и бледных волхвов за ее спиной. В его серых глазах не было страха, только суровое любопытство лесного жителя.

— Я та, кто принесла тебе твой удел, — Велимира запустила руку в кожаный мешок и достала первый оберег. Серебряное кольцо с громовым знаком Перуна тускло заблестело на солнце. — Ты силен, Вышата. Сильнее, чем нужно смертному человеку. Твоя сила — это не твоя заслуга, это кровь велетов, что спит в тебе. Но боги требуют плату за этот дар.

Вышата нахмурился, его тяжелые надбровные дуги сошлись у переносицы.

— Какую плату? Я честно делюсь добычей с общиной, приношу дары Велесу на опушке и не трогаю чужого.

— Твоя жизнь больше не принадлежит тебе и твоему племени, — Велимира сделала шаг вперед, и один из молодых

волхвов подал ей ритуальный обрядовый нож с рукоятью из рога лося. — Навь лезет из щелей. Богам нужны те, кто станет щитом на Кромке. Ты станешь Первым из Тридцати Трех. Твое имя будут петь гусяры, но спать ты будешь на сырой земле, а твоим домом станет Железный Детинец. Твоя кровь скрепит этот замок. Согласен ли ты принять удел?

Вышата молчал. Он посмотрел на родное городище, откуда доносился детский смех и крик петухов, посмотрел на свои ладони, мозолистые от топора. Он знал, что в лесах Чернолесья творится неладное — охотники все чаще не возвращались из чащи, а болотные огни манили путников даже днем.

— Если я откажусь? — тихо спросил он.

— Кромка порвется здесь, в твоей долине, — ответила Велимира, глядя ему прямо в глаза своим слепым глазом. — И твоя мать, твои сестры первыми сгорят в пожаре Нави. Боги не просят, Вышата. Они предлагают выбор между почетной смертью со сталью в руках и бесславной гибелью скота на бойне.

Исполин тяжело вздохнул. Его плечи расправились. Он сделал шаг навстречу жрице и протянул свою огромную правую ладонь тыльной стороной вверх.

— Режь, бабка, — глухо произнес он. — Раз уж боги обделили меня спокойной долей.

Велимира не колеблясь прижала лезвие ножа к его ладони. Сталь легко рассекла толстую кожу. Густая, темная кровь

велета закапала на серый сланец. Велимира подняла серебряный оберег и подставила его под струящуюся кровь.

То, что произошло дальше, заставило младших волхвов в ужасе заслонить лица руками.

Едва кровь Вышаты коснулась холодного серебра, оберег издал яростный, шипящий звук. Кровь впиталась в металл мгновенно, не оставив ни капли на поверхности. Серебряное кольцо раскалилось до белого каления. Вышата стиснул зубы так, что на его шее вздулись толстые вены, но не издал ни звука, хотя кожа на его груди, куда Велимира прижала остывающий оберег, зашипела, наполняя воздух запахом паленой плоти.

Но оберег не стал серым.

На пике древней веры, омытый чистой кровью первого велета, Громовой знак вспыхнул ослепительным, чистым белым пламенем. Из оберега вырвались тонкие нити электрических разрядов, которые оплели предплечья Вышаты, уходя под кожу, прямо к его сердцу. Глаза юноши на мгновение вспыхнули чистым серебряным светом Прави. Он тяжело выдохнул, и земля вокруг его ног задрожала, а трава мгновенно пожухла, отдав свою жизненную силу первому богатырю.

Оберег остыл, став матово-белым, сияющим, как свежий зимний наст под полуденным солнцем.

— Вот твой знак, Первый, — выдохнула Велимира, чувствуя, как сила, прошедшая сквозь оберег, на мгновение вер-

нула тепло в ее старые кости. — Носи его у сердца. Пока ты жив, твоя сила будет расти с каждым убитым чудовищем. Но помни: твоя кровь теперь принадлежит Кромке.

Вышата медленно опустил руку, глядя на белый медальон, который теперь казался частью его собственного тела. Он больше не был просто Вышатой из племени Лесного Волка. В его глазах появилась та самая холодная, запретельная глубина.

— Я готов, — тихо сказал первый богатырь. — Веди меня, жрица.

Велимира повернулась на запад, туда, где на горизонте сквозь туманы проступали очертания неприступных скал, на которых вскоре заложат первый камень Железного Детинца. Она знала, что впереди еще тридцать два обряда. Тридцать два сердца, которые должны забиться в унисон.

Но Кромка была заперта. На время.

Глава 1

ЗОЛОТАЯ РОТА

Майское солнце в Лозовом Яру не грело — оно целовало. Лениво, тягуче, оставляя на лопатках влажную истому. Земля на пойменном выгоне, напитавшаяся весенним разливом Днепра, дышала густо и сыро. Пахло молодой крапивой, прелой прошлогодней соломой, которую вынесло половодьем к ольшанику, и парным конским навозом. В этом запахе была сама жизнь — простая, грубая, не знающая сомнений.

Десятилетний Яромир, которого в деревне звали просто Ярко, лежал на животе на песчаном косогоре, подперев подбородок кулаками. Его порты из грубого серого льна давно потемнели на коленях от речного ила, а на затылке скопилась мелкая сухая хвоя. Из-под выцветшей русой челки, которую мать каждое полнолуние ровно подрезала костяными ножницами, Ярко следил за кобылицей по кличке Медуница. Старая, щербатая, с рваным ухом — следствием зимней встречи с болотным волком, — она лениво обгладывала сочные стебли камыша у самой кромки воды.

— Ярко! Гляди, шмель какой!

Микула, сидевший чуть поодаль под сенью старой раскидистой вербы, тянул к нему ладонь. На его грязном пальце действительно сердито гудел огромный золотисто-черный шмель, завязший лапками в сладкой сосновой смоле. Мику-

ла был худым, остроносым, с быстрыми темными глазами, в которых вечно прыгали чертенята. Волосы у него были темнее, жесткие, как конский волос, и вечно торчали в разные стороны, несмотря на все попытки его матери пригладить их деревянным гребнем.

— Не тронь его, Мика, — не оборачиваясь, глухо отозвался Яромир. Его голос для десятилетнего мальчишки был странно низким, ровным, без обычной детской писклявости. — Ужалится — пол-лица разнесет. Опять твоя бабка будет тебя дегтем мазать да заговоры шептать.

— А пущай разнесет! — Микула беззлобно щелкнул шмеля, отправляя его в полет, и повалился спиной на сочную траву, закинув руки за голову. — Зато буду на богатыря похож! У них, сказывают, у всех лица в шрамах да опухолях от тварей навьих. Видал, как дед Михей сказывал про Добрыню? Мол, у него щека от уха до подбородка порвана болотником была, а он только утерся да твари башку секирой снес!

Яромир молчал. Он сорвал сочную травинку и принялся задумчиво жевать ее сладковато-горький белый кончик. Добрыня. Это имя в Лозовом Яру знали все — от беззубых стариков, греющих кости на запечье, до младенцев в люльках. Добрыня был заступником. Одним из Тридцати Трех. Тем, кто держал Кромку где-то на далеком севере, там, где земля промерзала так глубоко, что кости мертвецов не гнили, а звенели как железо под ногами.

Для Ярко богатыри были не людьми. Они были полубо-

гами, сошедшими с деревянных резных столбов, что стояли в капище Перуна на холме за околицей. Они виделись ему огромными, отлитыми из темной бронзы воителями, которые питаются только медом и кабаниной, не знают усталости и могут спать на голых камнях под ледяным дождем.

— Мика, — тихо спросил Яромир, переворачиваясь на бок и глядя на друга. — А если они не вернуться?

— Кто? — Микула скосил на него глаз.

— Богатыри. Ну... Добрыня вот. Отец сказывал, что нынче зимой на болотах выло так, что собаки в конурах задохались от страха. И рожь у нас взошла слабая, черная по краям поля. Жрец говорит, это Сверх из Нави дышит.

— Вернутся, — уверенно отрезал Микула, и его лицо на мгновение стало серьезным. — Куда они денутся? Перун их держит. Пока Перун на небе гремит, богатыри на земле стоять будут. Вот вырасту еще на две ладони — сам в Детинец пойду. Буду в кольчуге ходить, железом звенеть. А девки из соседней кузнечной деревни будут мне вслед венки бросать.

Яромир улыбнулся. Он приподнялся, намереваясь свистнуть Медунице, которая забрела слишком далеко в камыши, как вдруг...

Земля вздрогнула.

Это не был гром. Грозы не предвещалось — небо над Лозовым Яром стояло чистое, пронзительно-синее, лишь на самом горизонте таяли легкие, похожие на пух одуванчиков облака. Земля задрожала изнутри. Мелкая галька на песча-

ном косогоре мелко, сухо заплясала, осыпаясь к воде. Медуница резко вскинула голову, прядая рваным ухом. Ее ноздри расширились, шумно втягивая воздух, а по спине прошла крупная дрожь. Она издала короткое, тревожное ржание и побежала к остальному табуну, который мирно пасся на залильном лугу.

— Слышишь? — Яромир резко поднялся на ноги. Его сердце вдруг забилось часто-часто, ударяя в ребра голодным птичьим крылом.

Микула вскочил следом. Его темные глаза расширились.

Из-за поворота старого тракта, что вел из стольного княжеского града Волыни сквозь глухие черные леса к их Лозовому Яру, поднималась золотая пыль. Она клубилась, подсвеченная полуденным солнцем, медленным тяжелым облаком. И сквозь эту пыль нарастал рокот.

Это был топот тяжелых коней. Не тех легких лесных лошадок, на которых ездили странствующие торговцы или княжеские бирючи. Это был шаг исполинов. Каждое падение копыта отзывалось глухим ударом в подошвы мальчишеских ног.

— Идут... — прошептал Микула, и его голос сорвался на писк. — Ярко, это они!

Они показались из-за березовой рощи. Яромир затаил дыхание. На миг ему показалось, что из лесной тени выехало само солнце, раздробленное на тридцать три сияющих куска.

Впереди ехал предводитель. Под ним был исполинский

вороной конь с густой гривой, доходящей до самых колен, и широкой, как сундук, грудью. На коне не было украшений — только тяжелая упряжь из сыромятной черной кожи с простыми железными пряжками. Но сам всадник...

Это был Ставр. Один из Тридцати Трех Старших Богатырей.

Он казался высеченным из серого гранитного валуна. Его чешуйчатый доспех, скованный из темного железа с серебряной насечкой по краям, покрывал широкие плечи и грудь. Поверх кольчужных рукавов были надеты тяжелые браслеты-наручи, иссеченные глубокими старыми царапинами — следами когтей, которые Яромир не смог бы опознать. Длинные, до плеч, густые русые волосы Ставра были перехвачены тонким серебряным обручем с изображением громового знака, а широкая борода, тронутая ранней сединой на щеках, пахла дорожной пылью и дегтем.

Позади него мерно, в три ряда, ехали остальные тридцать два богатыря. Это была Золотая Рота. Их доспехи — у кого чешуйчатые, у кого из тяжелых кованых пластин — сияли на солнце так ярко, что больно было смотреть. На левых плечах у каждого висели круглые щиты, обтянутые толстой бычьей кожей и окованные железом по краям. В центре каждого щита горел вычеканенный из меди шестиспицевый Громовой знак — колесо Перуна.

От роты исходил тяжелый, плотный запах. Это был запах войны и запредельного долга. Пахло каленым железом, ору-

жейным маслом, горьким полыневым дымом, конским потом и... сухими церемониальными травами, которыми окуривали богатырские плащи перед выездом из Детинца. Этот запах туманил голову смертным, заставляя их падать ниц.

— Гляди... гляди на обереги... — прошептал Микула, хватая Яромира за руку так сильно, что его пальцы задрожали.

Яромир перевел взгляд на грудь предводителя. Поверх кольчуги у Ставра на тяжелой серебряной цепи висел оберег — Громовой знак. Но он не был серым или стальным. Он светился глубоким, теплым, рубиновым багрянцем. Каждое движение богатыря заставляло этот свет пульсировать, словно внутри серебряного колеса билось живое, горячее сердце. Богатыри, ехавшие следом, несли обереги разных цветов: у кого-то они отливали тусклой бронзой, у кого-то светились багровым, а у нескольких молодых воинов в задних рядах знаки были совсем серыми, стальными — обереги «Младших», еще не испившие достаточного количества навей крови.

Рота ехала молча. Никто не разговаривал, не смеялся. Слышен был только мерный, пугающий скрежет кольчужных колец, тяжелый вздох коней и сухой стук копыт о землю. Они казались каменными изваяниями, которые боги оживили на время, чтобы прогнать тьму.

Ставр придержал вороного коня у развилки дорог, прямо напротив песчаного косогора, где стояли мальчишки. Вороной храпнул, выдохнув струю горячего пара, и ударил копы-

том, вырвав с корнем кусок дерна.

Старший богатырь медленно повернул голову. Его лицо было иссечено ветрами и старыми битвами. Левая бровь была разделена белым шрамом, уходящим в волосы, а глаза... Они были странного, стального цвета, глубокие, бездонные, словно колодцы, в которых навсегда застыла ночная гроза.

Яромир почувствовал, как внутри него, в самой глубине груди, там, где до этого мирно спало детское тепло, шевельнулось что-то тяжелое. словно проснулся огромный, sluggish зверь, дремавший под ребрами. Жар прилил к его лицу. Он не опустил взгляд, как сделал Микула, который испуганно присел в траву, прячась за его плечом. Яромир смотрел прямо в стальные глаза Ставра.

Богатырь чуть прищурился. В его холодном взгляде скользнуло секундное удивление. Он почувствовал это. Почувствовал глухой, неподъемный отзвук велетовой крови, спавшей в этом деревенском мальчишке с ободранными коленями.

— Эй, малец! — голос Ставра был подобен удару тяжелого медного гонга. Мерный, низкий, он заставил замолчать даже птиц в лозняке. — Чьих будете? Как звать?

Яромир сделал шаг вперед. Земля под его ногами казалась теплой, живой.

— Яромир я, дядька. Из Лозового Яра. Сын кузнеца Борислава. А это — Микула, сосед наш.

Микула, услышав свое имя, осмелел, поднялся на ноги и,

заикаясь от волнения, выкрикнул:

— А мы... мы в Детинец хотим! К вам! Чтобы как вы — тварей бить, Кромку держать! Возьмите нас, дядька Ставр!

Несколько богатырей в задних рядах чуть повернули головы, на их суровых лицах проступили едва заметные, снисходительные улыбки. Младший из роты, с чистым серым оберегом на груди, тихо хмыкнул, но замолчал под строгим взглядом соседа.

Ставр не улыбался. Он смотрел на мальчишек серьезно, без тени взрослой насмешки, которой обычно одаривали детей деревенские мужики. Он перевел взгляд с худого, востроносого Микулы на широкоплечего Яромира. Его взгляд задержался на широких запястьях Ярко и его прямой, упрямой осанке.

— Железный Детинец — это не печь с пирогами, отроки, — медленно произнес Ставр. Он потянулся к седлу и положил руку на тяжелое топорище своей двуручной секиры. — И не княжеский пир. Детинец всегда голоден. Он берет мальчишек с волосами, пахнущими молоком и материнской кашей, а возвращает... если возвращает — мужей с обгоревшими душами и холодным железом вместо сердец. Большинство из тех, кто входит в его ворота, остаются там навсегда. На тренировочных выгонах или в зубах навьих бестий. Вы готовы к такой доле?

— Готовы! — выкрикнул Микула, делая шаг вперед и сжимая кулаки. Его лицо горело лихорадочным, детским ру-

мянцем. — Я кикиморы не боюсь! И волка болотного с завязанными глазами одолею!

Яромир промолчал. Он не кричал, но его серые глаза смотрели на Ставра с такой упрямой, каменной решимостью, что старший богатырь понимающе кивнул. Он видел много таких мальчишек. Из сотен выживали единицы, но именно из таких молчаливиков со стальным взглядом получались те, кто потом держал щит Яви.

— В трех верстах отсюда, у княжеского поста на перекрестке Великого тракта, через три дня будет стоять обоз Детинца, — произнес Ставр. Он тронул поводья вороного коня, заставляя его развернуться обратно к дороге. — Мы собираем тех, в ком жива вера и кровь велетов. Идите к своим отцам. Если они отпустят вас, если их сердца выдержат этот плач — приходите к заставе. Обоз заберет вас. Но помните: назад дороги не будет. Никто не возвращается из Детинца обратно к плугу и коровам. Обряд крови связывает намертво.

Ставр поднял руку в железной рукавице, давая сигнал роте.

— В путь!

Рота двинулась вперед. Опять загремело железо, глухо завывали кони, и золотое облако пыли поднялось над трактом, скрывая сияющие доспехи тридцати трех заступников. Они уходили дальше на север, туда, где за болотами выл ветер Нави, унося с собой запах озона, каленой стали и сухих трав

Прави.

Мальчишки стояли на косогоре долго, пока последний богатырь не скрылся за березовым перелеском, а пыль на дороге медленно, неохотно не осела обратно на раскисшую колею.

— Ярко... — прошептал Микула, его голос дрожал от восторга. — Ты видел? Видел, как его оберег горел? Ровно уголь в печи! Мы пойдем, Ярко? Скажи, ведь пойдем?

Яромир медленно повернулся к деревне. Там, за околицей, из труб изб поднимался сизый, мирный дымок. Мать, верно, уже накрывала на стол, выставляя крынку со свежим молоком и теплую пшеничную кашу. Отец стучал тяжелым молотом в кузнице, и этот звук — привычный, домашний — сейчас казался Яромиру далеким, словно доносился с другого берега великой реки.

В его груди всё еще горел тот самый тяжелый, древний жар, оставленный взглядом Ставра. Яромир сжал кулак, чувствуя под кожей упругую, непослушную силу.

— Пойдем, Мика, — тихо, но твердо сказал он. — Пойдем. Собирай вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.